

ПЛИ!

ПУШКАРЬ ИЗ БУДУЩЕГО



ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Пли! Пушкарь из будущего

Серия «Пушкарь», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13136421

Феникс;

ISBN 978-5-222-42008-9

Аннотация

В наши дни он был врачом в обычной больнице – пока несчастный случай не забросил его на полтысячи лет назад, во времена царя Михаила Романова.

В эту жестокую эпоху, когда Русь еще не оправилась после Великой Смуты, поляки оккупируют Смоленск, а татарские набеги из Дикого Поля заливают кровью московские рубежи, «попаданцу» придется освоить новую специальность – почетное и смертельно опасное ремесло пушкаря.

Если степняки ломятся в ворота твоего города, а ляхи вновь идут войной на Русскую Землю – заряжай! целься! ПЛИ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юрий Корчевский

Пли! Пушкарь из будущего

Глава 1 Перенос

В ординаторскую урологического отделения вошла Людочка, как всегда в накрахмаленном халатике и таком же чепчике, вся какая-то свежая и чистая, лучащаяся каким-то светом. Я всегда удивлялся: нестарый с собственной точки зрения мужик после суточного дежурства, а выгляжу помятым – отросшая щетина, синева под глазами, помятый костюм.

– Доктор, в приемный покой вызывают, «Скорая» кого-то привезла!

Господи, да уже шесть утра, чего же пару часов-то погодить не могли! Ладно, спустился и с бодрым видом зашел в приемное.

На кушетке лежал «браток», бритый, откормленный, как бычок, и с золотой цепочкой толщиной с большой палец вокруг необъятной шеи. Лицо бледно-серое, видно, хреновато «братану».

– Доктор, помоги! В долгу не останусь!

Да как же, при своих бы остаться. Начал осмотр. Язык су-ховат, обложен, живот при ощупывании болезнен в области правой почки. Похоже на почечную колику. Назначил анализы и пошел к себе в ординаторскую урологического отделения. Урология в нашем городишке маленькая, оснащена не бог весть как – спонсоров-то богатых нет, не Москва, чай.

Пока «братку» сделают анализы, надо записать истории болезни тяжелых больных, находящихся под наблюдением, – воз и маленькая тележка.

Сделал записи. Один из моих учителей по хирургии в бытность мою студентом в Ставропольском государственном медицинском институте говаривал: «Истории болезни пишутся для проверяющих комиссий и прокурора, запомните это и держите документы в порядке». Глупые и неопытные мы еще были, посмеялись – думали, шутка. Жизнь показала: дядька был прав.

Резко зазвонил телефон. Дежурный лаборант заспаным голосом продиктовала анализы «братка». Да-а-а, вот уж не вовремя нелегкая его принесла. Если бы я тогда знал, как изменится моя судьба после знакомства с «братком». Обычная тактика при почечной колике: капельницы, баралгин, понаблюдать. Не всех же с камнями резать, тем более отпуск на носу. Я уже всех своих больных передал другим ординаторам и заведующему, а вот и он, легок на помине.

– Ну-с, как дежурство?

– Да более или менее спокойно, на двоих оформил выпис-

ки, одного с МКБ (для тех, кто не знает, – мочекаменная болезнь) в одиннадцатую палату определил.

Сдав документы и использованные ампулы от наркотиков, получив от сотрудников кучу наилучших пожеланий и советов, как отпуск провести, я отправился в кассу за отпускными – ага, закатай губы, кассирша посмотрела на меня, как на полоумного: «Нет денег, да и когда отпускные вовремя были?! После получишь, целее будут!» И захлопнула окошко. Вот ешкин кот, отпускные нужны-то до отпуска, а не после, я отложил кое-чего, но...

В некоторой прострации добрел до своего старенького «жигуленка»-«шестерки» и отправился в магазин, кушать-то надо. После развода с женой я холостяковал в доставшейся после раздела однокомнатной квартире, правда, ремонт в ней я сделал на уровне, так как комфорт и чистоту любил.

Открыв холодильник, сразу достал бутылочку запотевшего пива и блаженно развалился на диване. Хорошо-то как! Бессонница и усталость взяли свое, незаметно я провалился в объятия Морфея. И снился мне страшный сон – девушка в старинных одеждах, ратники в кольчугах и сверкающих шлемах, клыкастые чудовища. Пробуждение было неприятным: затекла левая рука и было ощущение какого-то шума. Звонил мобильник.

– Слушаю!

– Юрий Григорьевич, это Виктор Никитович беспокоит. Надо подъехать, посмотреть своего больного, его днем Фе-

дор прооперировал, а дежурантом сегодня молодой, мне домой сейчас звонил, паниковал, а Федора найти не можем.

Виктор Никитович – это наш заведующий отделением.

– Так, Виктор Никитович, я в отпуске уже числюсь, к тому же пивка глотнул, запашок есть.

Вот окунь скользкий, как бабки с больных брать, так он в отделении главный, а как делом заниматься, это пусть другие.

– Скажи адрес, за тобой подъедут.

Через полчаса у подъезда взревел гудок. Там стоял здоровенный «Ниссан Патруль» черного цвета с наглухо тонированными стеклами. Пришлось выходить. Дверь салона распахнулась, и я сел в машину.

Мама моя, вот это сарай! На таком только бревна возить: и проходимость будь здоров, и вместимость позволяет. За рулем и рядом с ним, на пассажирском сиденье, расположились два «братка», почти такие же бычки, бритые головы, челюсти, перемалывающие жвачку.

– Не бойсь, док, за беспокойство мы отбашляем, – сказал пассажир и протянул сто баксов.

Я немного поколебался, резонно предположив, что за вызов в период отпуска никто, никакой бюджет, платить не будет, и взял. От обоих «братков» крепко тянуло спиртным – я забеспокоился.

– Что переживаешь, док? – коротко хохотнул водитель.

– Менты все куплены, а в этом танке ничего не страшно, –

добавил второй.

Я был несколько другого мнения, из-за плеча братка поглядывал на спидометр, который уже переваливал за полторы сотни.

Показался пост ГАИ и перед ним перекресток. Справа медленно приближались фары, «браток» еще чуть надавил на газ, пытаясь проскочить перекресток первым, и это ему удалось, однако я с ужасом увидел буквально перед капотом джипа корму тракторной тележки, медленно влекомой «Беларусом». Сделать что-либо «браток» уже не успел, удар был ужасным, раздался звон стекла, хруст сжимаемого железа, треск досок прицепа и жуткий крик обоих «братков».

Очнулся я лежащим на траве с головной болью и ощущением, что меня долго били. Я медленно сел, подавляя рвотные позывы. Картина, окружающая меня, поплыла в сторону, и я снова упал без чувств.

Второй раз я очнулся, судя по всему, часа через четыре. Сильно хотелось пить, я попытался припомнить, как здесь оказался. Неужели с друзьями поехал на природу, упился как ежик и сморило в кустах? А где же компания, почему меня никто не хватился?

В голове медленно начало проясняться: «братки», гонка на джипе и удар. Ага, вот где меня, вероятно, выкинуло через окно. Сначала я поднялся на четвереньки, покачался и, с трудом приняв вертикальное положение, огляделся. Странно, а где же разбитый джип, трактор с прицепом и шоссе?

Ведь перед аварией я ясно видел впереди, не больше чем в километре, пост ГАИ. Наверняка кто-то уже должен был сообщить о происшедшем.

Я подобрал свою сумку и начал выписывать концентрические круги, пытаясь определить, где шоссе и разбитый джип. В голове мелькнуло, что сейчас уже полдень, авария случилась вечером, не может же быть, чтобы и люди, и техника находились здесь так долго. Понимание этого несколько восстановило душевное равновесие. Я оглядел себя – видок еще тот: одежда выпачкана, а кое-где и порвана. Сделав окрест пару расходящихся кругов, пришло понимание чего-то странного. Авария произошла на улице, а шума оживленной магистрали не слышно, хотя в это время движение должно быть интенсивным. В душе зашевелился червячок страха, неуверенности, стало пусто под ложечкой. Может, бандюганы завезли меня подальше в лес, да и бросили? Зачем им это? Может, я уже в раю? Тогда почему в выпачканной одежде, да еще и с сумкой? Как я представлял себе этот рай – люди, а вернее уже не люди, должны быть в белой одежде. Тоже что-то не то. Не мудрствуя лукаво, пошел напрямик, имея в виду, что рано или поздно наткнусь на тропинку, дорогу или жильё, а там сориентируюсь. Вокруг стоял березовый лес, редкий, просвечиваемый солнцем насквозь, весело чирикали птицы. Начинало пригревать, запах трав просто одурманивал. Наконец лес почти закончился, и на опушке я увидел узкую проселочную дорогу. Наконец-то! Пришлось

топать часа два. Я несколько раз глядел на часы, но время тянулось как-то медленно. Один раз попробовал позвонить по сотовому, но на экранчике высвечивалось «поиск сети», и елочки антенны не было. Решив, что станция сети далеко, попыток созвониться больше не повторял. Вдали слышался перестук колес, и навстречу, из-за поворота, показалась лошадка, запряженная в телегу, на которой восседал мужичок зрелого возраста с окладистой бородой. Я остановился – все равно встретимся.

Телега поравнялась со мной, мужичок натянул вожжи, и телега остановилась. Глядел мужичок настороженно, в телеге под рукой лежал топор. Конечно, рядом с лесом стоит неизвестно кто в грязной и местами драной одежде, незнакомый, а в деревнях все обычно друг друга знают.

Я поздоровался, как мог вежливо, мужик степенно ответил: «И ты будь здрав». Говор был какой-то странный. Я заинтересовался, далеко ли до города, и тут же услышал в ответ: «А до какого?» Это меня огорошило. Да ведь от моего родного города, где и произошла авария, километров сорок не было других городов!

– А какой ближе?

– Так до Касимова верст двадцать, а до Лашмы и более будет.

Я не мог сообразить, где это? Ближе двухсот-трехсот километров – таких точно не было, что за область-то?

Мужик, глядя на мою вытянутую физиономию, добавил:

– Рязанские мы.

Вот это ешкин кот! Это же верная тысяча километров от моего города и дома. Попросившись подъехать хоть до ближайшей деревни, уселся на подводу. Тряское оказалось средство передвижения, на всех корнях деревьев, выбоинах тряслась и подпрыгивала так, что екали кишки. Глянул на часы и, заметив удивленный взгляд мужика, брошенный искоса, спросил:

– А день-то какой?

– Знамо дело, среда

– А месяц?

– Травень

– А год?

– Семь тысяч сто двадцать первый от сотворения мира. –

Мужик перекрестился.

Если бы я не сидел на телеге, точно упал. Дико вытаращившись на мужика, я ожидал усмешки от неудачной шутки, а глаза шарили в поисках подтверждения по одежде возницы. Учítывая, что в мое время нестоличные жители одевались с рынков, где было в основном китайское и турецкое барахло, на ямщике не было вещей с молниями и заклепками, не было часов, не было туфель, а сапоги короткие, черные, с подошвой без каблука.

За плавным изгибом дороги, которая огибала лесной мысок, показалась деревня. Я жадно вглядывался, ища зримые признаки цивилизации: остовы брошенной сельскохо-

зыйственной техники, линии электропередачи с проводами, телевизионные антенны. Ничего этого видно не было. Нехорошее предчувствие холодной змеей заползло в душу, под ложечкой сделалось пусто.

Похоже, мужик не шутил.

Тряхнув бородой в сторону деревни, мужик промолвил:
– Вот и весь, Пашутино прозывается, боярина Ашуркова.

Мне никак не верилось в то, что вижу и слышу. Я попробовал снова включить сотовый. «Сименс» исправно выдал – «подтвердите включение», а дальше поиск сети и все – никакой сети и не было.

– Слышишь, мужик, а переночевать-то здесь можно где?

– Так постоянных дворов нету здесь, токмо в городе, но ежели заплатишь за постой, у меня остановись.

Хорошо сказать – заплатишь, а чем? Я начал рыться в карманах – российские монеты, бумажные деньги, даже сто долларов от «братков» были, но ничего более ценного, хотя бы на обмен, не было. Господи, да как же здесь жить и на что? И как я сюда попал и как вернуться домой – там квартира, работа, машина, друзья и мама. Голова раскальвалась от множества мыслей, версий всего происшедшего и поиска выхода. Выхода пока не находилось. Одно пока радовало – я на территории Руси. Но время – это же четыреста лет тому назад. Хорошо ремесленнику, столяру, кузнецу, сапожнику, а я, кроме как лечить, почти ничего не умею. Ну разбираюсь немного в электронике – на уровне продвинутого пользова-

теля, но кому это здесь надо? А если заняться своим любимым делом, как быть с аппаратурой – чем обследовать, чем лечить, наверняка и аптек здесь нет, а многие ли врачи могут похвастать знанием трав?

Какие здесь могут быть УЗИ, рентген или предоперационное мытье рук по Спасо-Кукоцкому?

Вопросов много, ответов пока нет. Меж тем мы въехали в деревню, состоящую из одной кривоватой улицы и полутора десятков деревянных домов. На улице бегали куры, детвора в рубашонках, медленно шел мужичок с оглоблей на плечах. Похоже, моя личность вызывала большой интерес: из-за плетней высунулись женские головы в платках, мужик с оглоблей остановился, провожая взглядом, дети замерли, разинув рты и ковыряя в носу. Вот уж такого любопытства к своей персоне я не ожидал, да и не хотел.

Подъехали к воротам, крестьянин отпер ворота, завел лошадку с телегой во двор, распряг не спеша. Все это время я стоял во дворе и глазел вокруг. Из дверей выглянуло женское личико и тут же скрылось.

Они зашли в избу, двери были низкие, и я успел приложиться с непривычки лбом о притолоку. Вошедши, мужик перекрестился на образа в красном углу, я повторил, потому что был крещеным и носил крестик, хотя в церкви бывал изредка, отчасти потому, что решил со своим уставом в чужой монастырь не ходить и приглядываться к окружающим.

– Вот, хозяйка, принимай гостя! Звать-то тебя как, милай?

– Юрий, Юрий Григорьевич.

– А меня Федор, по батюшке Кузьма. Ты не из раскольников? А то смотрю, лицо у тебя голое, а на образа все же крестишься...

– Да нет, православный. – Я вытянул из-за ворота крестик.

– Одежа у тебя тоже ненашенская, – хмыкнул мужик

Я не нашел что ответить, хотя Федор, похоже, ответа не очень-то и ждал. Ну одежда такая у человека, так ведь один в сапогах ходит, а другой в лаптях по достатку.

– Хозяйка, на стол собирай, проголодались мы!

Из-за печки вышла дородная загорелая женщина в платке и линялом сарафане, неся чугунок, затем принесла хлеба, кувшин с квасом, огурцы, блюдо с творогом и сметаной. Перекрестившись, сели, и тут выяснилось, что у меня и ложки с собой нет.

– Да как же ты без ложки в дорогу-то? – подивился Федор.

– Потерял, – соврал я, не объяснять же ему про двадцать первый век и все остальное. Ему такое бы сказали – не поверил.

В горшке оказалась гречневая каша, хозяин дал деревянную ложку, и все лазили туда по очереди. Никогда не думал, что гречневая каша может быть такой вкусной, обычно в больничной столовой это было нечто сухое, не лезло в рот, да и бывшая жена готовила не лучше. Квасок оказался ядреным, щипавшим язык. «Из репы», – пояснила хозяйка, довольно прохладно. Насытившись, я отвалился на стену, чув-

ствуя сытость в животе и нарастающую усталость.

– А вещи твои где? – спросил хозяин.

– Да в телеге сумка.

Я сходил во двор к телеге и принес свою сумку. Заодно решил переодеться в спортивный костюм, а свою одежду постирать. Но постирать мне не дали – хозяйка взяла одежду и бросила в корыто с водой, оба с удивлением смотрели на бело-синий костюм, а хозяйка подошла и пощупала.

– Гладкий какой и скользкий, шелковый, что ли?

– Ага. – Что мне еще можно было им ответить.

Хозяин отвел меня на сеновал, кинул на душистое сено какую-то дерюжку, пожелал счастливо отдыхать и удалился. Я завалился на дерюжку, кое-как стянул с себя туфли и немедленно отрубился.

Глава 2

Возвращение к профессии

Проснулся от крика петуха, никогда ранее не пробуждался таким образом, посмотрел на часы – времени четыре часа утра, спать бы да спать. Покрутился на своем ложе, да уснуть снова не смог, думки одолели.

И первейшая из них – как рассчитаться с хозяином за ночлег и еду, вчера я как-то обошел этот вопрос, хотя Федор недвусмысленно сказал об оплате за постой. Да и дальше вопрос о еде и жилье решать надо. Так и крутился, пока не услышал во дворе стуки да бряки, посветлело в щелях дощатого сеновала, пора и выбираться.

Я спустился по хлипкой лестнице, Федор уже ходил по двору, в бороде застряли мелкие соломинки, и рубаха была мокрой от пота. Наверное, управлялся с живностью. Мужичок кивнул на колодец, поди, мол, ополоснись. Вода оказалась на удивление холодной, чистой и вкусной, не как из городского водопровода. Обмывшись по пояс и вдоволь напившись, я подошел к Федору и, поблагодарив за приют и ужин, виновато сказал:

- Федор, вот какое дело, денег у меня нету.
- Дык как ето, вона рубаха и портки больших денег стоят, а за постой отдать не можешь. Ты по жизни чем кормишь-

ся-то?

– Врач я. – Федор глянул непонимающе. – Лекарь, – уточнил я. Тоже мне, дубина, не мог сообразить, что и слова такого здесь, наверное, еще нет.

Лицо у Федора немного просветлело, затем опять нахмурилось:

– Плохой, что ли?

– Почему плохой, – обиделся я.

– Так ведь у хорошего завсегда деньги есть.

– Получилось так, – пробурчал я.

Стыдно было, хоть провались. Никому не покажешь свой диплом, да и не поймут ничего.

– Слушай, лекарь, у соседки пацаненок ногу подвихнул, ты бы глянул. – И уже через плетень: – Агафья, ты жива там? Как твой малой, с ногой как?

Из-за двери высунулась веснушчатая молодая, лет тридцати, с заплаканными глазами женщина.

– Да нет хорошего, лежит, нога опухла, не ступает.

– Вот человек, поглядеть может.

Я уже обратил внимание, что рост у местных был не больно велик – от силы сто шестьдесят сантиметров. С моими ста восьмьюдесятью роста и девяносто веса я выглядел здесь как швед среди китайцев. Внутри в доме было чистенько, однако бедновато, на полу лежали половички, сшитые из кусочков разноцветной материи. С печки свисала седая голова деда, выскобленный стол и рядом широкая лавка, на которой ле-

жал мальчуган лет десяти. Веснушчатое, как и у матери, лицо было покрыто капельками пота, под глазами легли синяки.

– Давеча с ребятами в лес ходил, да вот незадача: упал через валежину, обратно ребята на себе принесли. Лежит, нога распухла, синяя вся.

Я закатал штанину. Голеностопный сустав на правой ноге отек, посинел, даже пальчики были как сардельки. Мягко и осторожно я пропальпировал ногу, кажется, перелома нет, вывих только. Да и не травматолог я, хотя придется вспомнить институтские знания. Жалко, книжек нет, в учебники заглянуть бы не помешало. Попросив хозяйку крепко держать парня за бедра, сильно, но не резко потянул за стопу, парень закричал, сустав щелкнул и встал на место. Я повеселел: видно, и здесь мои знания пригодятся. Попросив у хозяйки полотна, туго обмотал сустав и дал указания несколько дней не вставать на ногу, а через пару дней и попарить в баньке.

– Все сделаем, как скажешь, спасибо тебе, мил-человек, звать-то тебя как?

Я представился.

– Давай покушаем, – предложила хозяйка.

Отказываться, естественно, я не стал. Вот и первый гонорар. После довольно скромного завтрака – хлеб, молоко, огурцы, пареная репа, причем соли на столе не было, – надо было решать, что делать дальше.

Оставаться в деревне – пациентов мало, народ в основном здоровый, никто с мелочовкой к врачу не побежит. Решено – надо идти в ближайший город. Я зашел во двор к Федору, забрал свои постиранные хозяйкой вещи, сумку и подошел к Федору, поблагодарил и спросил дорогу в город.

– А ты что же, пеший собрался идти? По дороге и тати пошалить могут, подожди – поспрошаю, может, кто из мужиков в город собирается.

Вернулся Федор быстро и от ворот замахал призывно рукой:

– Поспешай, сейчас Семен в город тронется, я ему о тебе обсказал.

Я пошел в указанном направлении и уже на выезде из деревни догнал сухонького мужичка, шедшего сбоку от телеги.

– Это про тебя Федор сказывал?

Я кивнул. Бросил сумку на телегу.

– Сядем позже, сейчас в гору придется, тяжело лошади.

В телеге лежало несколько бочонков и целая кипа высушенных коровьих шкур.

Мой немногословный возница как заведенный шел в гору, я же начал приотставать, видно, сказывалась плохая городская физическая форма. Да и то сказать: дом – машина – работа и наоборот. Загружать себя бегом или заниматься в фитнес-центре мне было недосуг, да и лень.

В обед остановились у обочины – попили квасу, съели по краюхе хлеба, сели на телегу, да и двинулись дальше. Я по-

пытался разговорить попутчика:

– А кто сейчас на престоле?

От такого вопроса мужик аж крикнул:

– Да ты что! Царь Михаил Федорович Романов.

Тут уж я надолго примолк, пытался вспомнить историю, но что-то ничего на ум не приходило – Иван Грозный со взятием Казани, Петр I с битвой под Полтавой, Екатерина сразу вызывает определенные ассоциации, а вот Михаил Романов – нет.

То ли в школе и институте плохо учил историю, то ли царствование этого Романова не славно великими деяниями, но не вспоминалось ничего.

К вечеру усталая лошадка и мы оба, пропыленные и проголодавшиеся, подъехали к городу, вернее даже к его пригородам и посадам.

Маленькие домики стоят абы как, образуя кривоватые улицы и тупички, сизый дым низко стлался над крышами, мычали коровы, блеяли овцы, раздавался перестук из кузниц – в общем, большая деревня, а не город, которого я жадно ожидал.

Я был просто разочарован. На въезде в посады спутник мой спросил:

– Тебе куды?

Идти было ровным счетом некуда, поблагодарив мужичка, я спрыгнул с подводы и, подхватив сумку, направился к городским стенам.

У ворот города стояли двое ратников, в кольчугах, опоясанные мечами, в шлемах, но без щитов. Ей-богу, как из музеев. Интересы ко мне они не проявили, в основном рылись в телегах въезжающих крестьян, взимая с них мыто. По всей видимости, у стражей были сомнения в моей платежеспособности или товара для торга они не увидели. Деревянные стены крепости изнутри выглядели довольно мощно, поднимаясь на высоту трех-четырёхэтажного дома, по периметру шли крытые навесы, через семьдесят-сто метров шли башни. Сверху над стенами был навес, я было сначала подумал – от дождя, в дальнейшем оказалось – от стрел.

В самой стене были проделаны бойницы для лучников, и кое-где – вот уж не ожидал – поблескивали медными боками пушки и тюфяки. Пушки стояли на лафетах с колесами, тюфяки лежали на деревянных колодах. Не зная, что делать дальше, я потоптался на узкой улице и, спросив дорогу, направился к постоялому двору. В животе уже урчало от голода, ноги налились свинцовой тяжестью. Вот и постоянный двор – ворота закрыты, калитка нараспашку. Навстречу выбежал подросток, вероятно половой, как здесь называют официантов:

– Позови хозяина.

– Будет исполнено.

Из дверей не спеша вышел красномордый пузатенький мужичок, лицо его лоснилось от пота, жилетка буквально трещала по швам, но передник был чистым:

– Чего изволите?

– Хозяин, переночевать бы мне, да денег нет. Может, работой какой оплачу.

– Иди с богом, надоели попрошайки, у церкви милостыню проси. – Повернулся уходить. – Ладно, иди к конюшне, на сене поспишь.

Не привык я к такому обращению, но делать нечего, в этом мире я пока никто и звать меня никак. Накидал в углу конюшни сено, бросил сумку и завалился спать. Сон, правда, был недолгим – часа два, проснулся от криков, ругани и шума драки. Поспал, называется, а в принципе чего можно было ожидать на постоялом дворе, это как у нас в ресторане: ближе к вечеру напьются и обязательно драка, как без этого. Покрутился на сене. Вылез и узнал у пробегающего полового с ведром воды:

– Что случилось? Из-за чего сыр-бор?

– Да заезжие постояльцы драться начали, хозяин различать полез, его и порезали.

Ну что же, можно сходить поглядеть. Хозяин лежал на широкой лавке, прижимая к окровавленному лицу полотенце. Я распорядился половому:

– Чистые тряпицы принеси и водки. – Парень сделал круглые глаза. – Ну самогону.

– Хлебное вино? – переспросил половой.

– Да.

Обеденная зала представляла собой поле битвы: лавки пе-

ревернуты, столы на боку, на полу валяются кости, куски мяса, каша, жареная половина курицы, кувшины из-под браги или вина с потекшими лужами, которые жадно лакал небольшой лохматый пес.

Рысдой сбегав к конюшне, я принес свою сумку. Возле хозяина начала собираться прислуга – повара и прочая челядь. Посетителей не было никого – вероятно, смылись под шумок, не заплатив.

Я попросил всех уйти, оставив расторопного полового, протер руки водкой – здесь она называлась хлебным вином. На левой скуле хозяина почти от виска и до подбородка тянулась резаная рана, нанесенная, видимо, чем-то острым, в глубине виднелась кость. Мужик охал и стонал, все пытаюсь прижимать полотенце к ране, дабы унять кровотечение. Вообще должен сказать, лицо кровоснабжается обильно, даже малейшие порезы довольно сильно кровят, но не бывает худа без добра – за счет этого же обильного кровоснабжения и заживают быстро.

Достав из сумки свой инструмент и попросив полового дать чистую миску, налил туда хлебного вина и бросил для стерилизации иголку, иглодержатель. Из протянутого кувшина снова ополоснул руки и начал шить рану. Половой по моей просьбе держал хозяину руки, который притих и лишь жалобно постанывал.

Наложив двенадцать швов, заклеил лейкопластырем, расходуя его бережно, памятуя о том, что пополнить запас уже

неоткуда.

– Смотри, хозяин, обмывать лицо неделю нельзя, а потом я швы сниму.

Трактирщик медленно сел на лавку, прошепелявил благодарность. Понять было трудно, щека отекала, к природной краснорожести добавилась синева под глазами, видок был тот еще.

– Как звать тебя?

– Юрий, Григорьев сын.

– Вот что, Проша, постели хорошему человеку в комнате наверху да покушать дай чего.

На стол поставили кувшин с пивом, оловянную миску с кашей и блюдо с кусками жареного мяса. От запаха потекли слюни и закружилась голова. Уговаривать меня не пришлось, неизвестно, когда теперь снова удастся подхарчиться. Когда я доскреб ложкой остатки и запил пивом, хозяин, который внимательно наблюдал за мной здоровым правым глазом и заплывшим уже левым, молвил:

– Ты отколь будешь, Юрий, Григорьев сын? Смотрю – непрост ты, парень: одежда непонятная, руки мастеровые, а денег нет.

– Лекарь я. Из... – Тут я запнулся. Городка-то моего на-верняка еще и нет.

– Ладно, не хочешь, не говори. Иди почивать, время уж позднее.

Пока я кушал, челядь навела в трапезной относительный

порядок. В голове от выпитого пива слегка шумело. Хозяин окликнул Прошку, наказал проводить меня в комнату. Шустрый паренек подхватил мою сумку, второй рукой бережно подхватил под локоток, и по скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж. В комнатке, небольшой и почти квадратной, стояла широкая кровать, сундук и стул. Все деревянное, сделанное без изысков, но не грубо. Небольшое оконце было затянуто бычьим пузырем на свинцовой рамке.

Едва разувшись, сняв только футболку, я рухнул на кровать. Матрас оказался тоже набит сеном, но закрытый чистой простыней, а подушка оказалась пуховой. Сон был сладок, давненько так не отдыхал.

Проснулся от запахов кухни, веселых голосов внизу в трапезной, во дворе кто-то колот дрова. Вчерашнее пиво настойчиво просилось наружу, и, надев футболку, я спустился вниз. Хозяин был уже на ногах, стоял за стойкой. Щека затекла еще больше, отчего лицо стало асимметричным, но глазки поблескивали весело.

– Как поживаешь, лекарь?

– Спасибо, хорошо. А скажи, любезный, нужник где?

– Прошка, проводи гостя!

Во дворе у конюшни топтались два крестьянина у лошади с телегой, в углу, ближе к огромной поленнице, один мужичок рубил головы курам, а мальчишка рядом с ним тут же окунал их в чан с кипящей водой и ощипывал. Работа на постоялом дворе шла как по конвейеру.

Вернувшись, ополоснул руки и лицо в деревянном рукомойнике.

– Садись, откушай чего, – ласково прошепелявил хозяин. Белая наклейка лейкопластыря резко выделялась на его красной физиономии. Похоже, некоторая кровопотеря его несколько не ослабила.

– Как величать мне вас?

– Да как все. Игнат Лукич.

– Чем мне расплатиться с вами? Я уже говорил – денег у меня нет.

Хозяин ухмыльнулся кривовато:

– Дык, ты уже расплатился, паря. А почто лицо у тебя голое, шапки нету, одежда ненашенская, путешествуешь откуда?

Пришлось на ходу сочинить легенду: иду, мол, из дальних краев, из франков, был там в учении, да вот по дороге ограбили, хорошо, самого не тронули, да кое-какой инструмент сохранился.

Тем временем холоп принес каши с большими кусками вареной курицы, хлеб, пиво в кувшине и куски жареной рыбы. Готовили на здешней кухне совсем не плохо, все с травяными приправами, сначала непривычно, а потом начало нравиться. Пока я насыщался, хозяин что-то обдумывал, да и выдал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.